

ВИТАЛИЙ ЛЕХЦИЕР ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРОВИНЦИЕЙ И СТОЛИЦЕЙ

(прочитано в качестве доклада в гор. Крке в Хорватии на Второй Встрече молодых европейских писателей «Pontes-97», состоявшейся 24-31 августа 1997 г.)

Литературные различия между провинцией и столицей имеют принципиальный характер только в имперски организованном культурном пространстве. Сосредотачивая в своих центрах богатейшие возможности культурного строительства и индивидуального успеха, возможности, всегда сопряженные с риском и отчаянием, сердечными приступами и публичными падениями, империи предлагали своим провинциям особо не волноваться. Провинции как правило соглашались. Несогласных - подавляли. Провинция представляла собой территорию покоя и неискушенности, общественной стабильности и неизбежной, именно неизбежной, то есть роковой бездарности. Провинциальность была в этом смысле как бы провиденциальна, а потому трагична. Этот провиденциальный, трагический аспект провинциальности еще ждет своих культурологических описаний.

Так всегда было в нашем Отечестве, где география являлась как бы разделом стилистики. До сих пор еще, кстати, чувствуется, вековое противостояние, так называемой, «московской» и «петербургской поэтики», демонстрирующее эту гипертрофированную власть географии.

Многие наши провинции посчитали за счастье предоставленную им возможность вариться в собственном соусе. Краеведческие материалы, ставшие темой многочисленных диссертаций, прозаических и поэтических опусов, приобрели концептуальное значение. Так образовались провинциальные, локальные субкультуры, безнадежно оторванные от мирового культурного процесса. Любая империя обеспечивает себя идеологически, то есть вырабатывает необходимую систему мифологии. Локальные субкультуры - такой же плод этой мифологии, как и центры, наделенные непомерными полномочиями. Сегодня многочисленный отряд официальных литераторов от бывшей идеологии, потеряв почву под ногами, ухватился за новую - национал-патриотическую или, проще говоря, шовинистическую. Практически в любой российской провинции, вы встретите

писателя, твердо стоящего на страже «русской духовности» и исповедующего философию замкнутости. Новые литературные почвенники имеют свои издания, безмятежно спонсируемые близорукими бизнесменами. Пример такого издания - журнал «Русское эхо», орган Самарской областной писательской организации, филиал «Нашего современника», образец шовинистической идеологии, а главное, примитивности художественного языка и полного отсутствия эстетической рефлексии. Однако такая литература - феномен,

издания. В Самаре только за прошедший год побывали Кушнер и Пригов, Рейн и Рубинштейн, Айзенберг и Садур, Немзер и Ханс Бьеркегрэн и т. д. и т. п. А Евгений Попов, Василий Аксенов, Геннадий Айги и Макаров-Кротков уже стали, по-моему, местной достопримечательностью. Причем речь идет не просто о гастролях, а о том, что профессиональное общение на серьезном уровне, которого были лишены провинциальные литераторы, потихоньку налаживается. Так что сегодня вопросы паспортной прописки перестали иметь трансцендентальное значение, и талантливый литератор из провинции уже не превращает сентиментальный всхлип чеховских героинь «В Москву! В Москву!» в трагическую партию.

Уже не так недоступны столичные толстые журналы, хотя все еще и мерцают в призрачной дали. Самара тяготеет к мегаполису, с большой концентрацией капитала, развитыми СМИ, социальными контрастами, профессиональной средой, своей фабрикой звезд, аудиторией, своим центром и своей периферией. Однако это не делает и не должно делать ее государством в государстве. Нет никакой необходимости в отстаивании своей культуры. Культура - ничья, общая. Странными представляются попытки, предпринимаемые, например, литераторами Перми и Свердловска, обосновать собственный как бы имперский статус, выработав соответствующую обслуживающую мифологию. «Пермская идея», «свердловская идея» - что это, если не реванш за былую провинциальную униженность? Но реванш консервативен по природе.

Странно также и то, что инициатива эта принадлежит весьма серьезным авторам, в том числе и известным постмодернистским критикам. Становиться культурным центром - не значит воздвигать очередные барьеры, не значит становиться субкультурой. Центр - это информационный узел, сплетение информационных потоков. Не более. Для литературы по крайней мере. Наличие и появление новых литературных школ и традиций не должно ассоциироваться с территориальными границами. Ведь школа - это общение, а общаться можно и по телефону. При всех оговорках, реальных трудностях и неизбежных проблемах все же можно сказать, что современная литературная жизнь российской провинции включается в мировой культурный процесс. Этот процесс принципиально открыт, разомкнут, множественен, децентричен. А потому такие понятия, как «провинция» и «сто-

Татьяна Кудрина. "Икар".

скорее, исторической инерции, чем самой реальности. В реальности же имперски организованное культурное пространство распалось или, точнее, распадается на наших глазах, с чем связано и актуальное для российского литературного процесса преодоление литературных отличий между провинцией и столицей. Всякие отличия в поэтике могут иметь только профессиональный или исключительно личный смысл в тех условиях, когда можно, не выходя из собственной комнаты, пройти по залам библиотеки Конгресса. Я имею в виду, конечно, ИНТЕРНЕТ - реальное и тотальное осуществление мечты Лесли Фидлера, написавшего в 1969 г. в «Плейбое» одну из первых статей о постмодернизме «Пересекайте границы, засыпайте рвы». В провинциях проходят международные литературные фестивали и семинары, создаются ассоциации и выпускаются независимые центральные